

Глава 33. Вернись домой к Рождеству

Посвящается Даурену Баймышеву. Нам всем казалось, что рак не сможет победить такого сильного человека, и мы были правы – он не смог. Ты остался писателем несмотря ни на что и останешься им навсегда. Твои слова вечно будут опорой для нашей веры.

25 декабря 2012 года, 20:14, штат Канзас, город Спрингдейл, где-то в районе Централ-стрит.

Рождество – это праздник, в который любой человек может почувствовать себя частью семьи. В этот день каждым и всеми движет желание помочь нуждающимся, сделать мир, пусть и на один день, но чуточку лучше. Рождество – это не только украшения и подарки. В основу этого праздника положено нечто тонкое и неуловимое, некая идея, которую понимают все, но никто не может объяснить.

Толстый парень в красном балахоне – символ ребячьих радостей, приносящий желанные подарки. Он путешествует на своих санях с важной миссией – даря улыбку детям: плохим или хорошим, вопреки всеобщему мнению, – он не разбирает, ведь в каждом из нас есть частичка светлого и доброго, и каждый может оступиться. Вера в то, что человек может и должен исправиться, вера в чудо, вера во всеобъемлющую любовь к тем, кто ею обделён, — вот, что такое Рождество.

Большинство людей стремятся встречать Рождество вместе со своими родными и близкими. Они украшают дома, готовят праздничный ужин и зовут столько гостей, сколько только возможно, но не для того, чтобы просто отметить, а затем, чтобы стать чуточку ближе друг к другу. Никто не должен быть одинок в светлый праздник Рождества!

Кто знает, какая причина заставила юную барменшу из заведения «Фарадей» выйти в ночную смену в рождественскую ночь, оставив семью и друзей за праздничным столом.

Мелл быстрым и размеренным шагом пробиралась через снежные заносы, нехарактерные не только для Канзаса, но и в принципе для любого города. Будто сам Санта решил подшутить над жителями скромного городка Спрингдейла, снежный буран становился всё сильнее и сильнее. Порой снежинки достигали размеров виноградины и острыми краями впивались в нежную кожу девушки, которая ещё этой весной была ученицей старшей школы №14. Сугробы росли на глазах, а видимость стремительно падала. Даже рождественские огни, которыми должен был пестрить город, становились призрачно сумеречными, изредка проглядывая сквозь белую пелену.

Без сомнений, через пару часов снежные заносы не смогут разобрать даже городские службы, да и кто станет работать в такую ночь. Разве что Мелл – исключение из правил – решила провести самый светлый день в году в окружении своих клиентов.

Девушка осторожно пробиралась через бетонные дебри, сокращая путь настолько, насколько это было возможно. Она завернула за угол и очутилась в небольшом дворике, похожем на засыпанный снегом сад, располагавшийся прямо перед высоким десятиэтажным зданием, богато декорированным стеклом. Оно сверкало и искрилось гирляндами даже сквозь лютую метель, а благодаря его размерам ветер в закоулке был не таким сильным.

Воспользовавшись передышкой, Мелл поставила две большие сумки на землю, но они тотчас же на половину провалились в снег. Слегка раздражённая барменша попыталась притопнуть от гнева, но не смогла поднять правую ногу – она плотно погрязла в сугробе, как в быстросохнущем бетоне.

Несколько мгновений Мелл сражалась со стихией, пока ветру не удалось сорвать с неё капюшон и острые ледяные снежинки не смогли прорваться к шее, засыпаясь за шиворот. От неожиданной прохлады и побежавшим по спине ручейкам талой воды Мелл вздрогнула, покрылась гусиной кожей и наконец-то со всей силой потянула сапог на себя. Тот поддался, сугроб рассыпался, а девушка, страстно жаждущая свободы и тёплого чая, упала на спину, погрузившись в снег целиком. От досады она присвистнула.

Почему-то ей совсем не хотелось вставать и покидать это место. Здесь так холодно и так спокойно, ничего не беспокоит, а все проблемы будто бы остались снаружи. Как же сильно неловкой девушке, спешащей на свою любимую работу, захотелось закрыть глаза и уснуть, забывшись.

Вдруг что-то странное, волосатое и тёплое коснулось её лица. Мелл немного испугалась и спихнула с себя пугающий предмет, а затем вырвалась из снежных оков, но, стоило ей увидеть простую чёрную перчатку, подволакиваемую ветром, она улыбнулась.

Барменша подняла её и отряхнула от снежных хлопьев, а затем, сама не понимая зачем, крепко прижала к груди. В перчатке всё ещё чувствовалось человеческое тепло. Как порядочная гражданка, Мелл начала оглядываться по сторонам, пытаясь вычислить владельца, однако в такую погоду хороший хозяин и собаку из дома не выгонит. Вряд ли кто-то в здравом уме и доброй памяти будет шастать по тёмным дворам во время одной из самых сильных метелей в Канзасе за последние лет пятьдесят. Но перчатка же откуда-то взялась! Не с неба же она упала? Или всё же с неба?

Понимая, что больше ничего не сможет сделать, Мелл положила находку в карман, накинула капюшон, подхватила увесистые сумки и продолжила храбро пробираться к автобусной остановке в надежде, что транспорт ещё ходит.

Спустя пару часов, недалеко от пригорода Спрингдейла.

- Мама, я хочу домой!

- Потерпи, сейчас папа приедет и заберёт нас. Видишь же, что автобусы перестали ходить.

На автобусной остановке стояли пассажиры, опоздавшие на последний транспорт. Большинство из них, понимая, что надежды не осталось, потихоньку начали разбредаться кто-куда, а мама с ребёнком-непоседой вскоре села в машину и уехала.

После всей суеты и суматохи, вызванной параличом всего общественного транспорта, на остановке остались ждать только несколько человек: три мальчика, их папа и высокий черноволосый юноша лет двадцати на вид. Последний выглядел очень угрожающе, а шарм ему придавало расстёгнутое пальто, под которым была надета только белая стильная рубашка со свободным воротником.

Внезапно парень серьёзно взглянул на папашу, разговаривающего с кем-то по телефону. Тот быстро сменял руки, чтобы они не замерзли, и старательно выдыхал тёплый пропаренный воздух на пальцы. Юноша достал из-за пазухи разбитый снежок, который, видимо, предназначался для его головы, и ещё сильнее разозлился. Он увидел следы на снегу, принадлежащие трём ребятам, чьи весёлые голоса доносились из-за угла небольшого двухэтажного дома, в котором устроили торговый миницентр, все магазины и салоны которого были закрыты на праздники и имели характерные таблички, кроме одного. Бар «Фарадей» оставался открыт, пусть в нём и не горел свет. Возможно, владелец или управляющий забыли перевернуть табличку.

Ещё один снежок прилетел в затылок расчётливого наглого паренька, и тот не на шутку рассердился. Схватив огромный снежный ком, незнакомец метнул его в ребёнка, спрятавшегося за ивой, потерявшей листву. Малыш болезненно принял удар на челюсть и упал, раздался рёв, на который прибежал отец, отбросивший свои телефонные дела.

Транспорт больше не ходит, пешком добраться до дома не представляется возможным, а оставаться на открытом месте, хорошо продуваемом месте, было просто глупо. Юноша подтянул небольшую сумку на плече и направился к единственному открытому заведению в попытках укрыться от нотаций папаши и ледяного ветра.

Под его ногами громко хрустел снег, а позади громко плакал ребёнок, но странный человек, не боящийся холода, не обращал на окружающий мир никакого внимания. Он лишь судорожно подёргивал окоченевшими пальцами, при этом не смея прятать их в карманы, будто желая замёрзнуть ещё сильнее, пока не укрылся в баре. Возможно, где-то в глубине души, ему хотелось, чтобы питейное заведение оказалось закрыто.

Детский обидчик без промедления схватился за дверную ручку и потянул её на себя. Та тихо скрипнула, дверь открылась, но пришлось приложить немало усилий, чтобы преодолеть засыпавший порог сугроб.

В конце концов юноша втиснулся в тонкий проём, а дверь сама захлопнулась за ним под натиском метели. К великому сожалению гостя, внутри бара оказалось не только темно, но и холодно. Все окна были распахнуты настежь, и только огоньки на праздничной ёлке асинхронно мигали в такт хаосу, творящемуся снаружи. Играла тихая рождественская музыка, что-то из классики, похожее на Фрэнка Синатру [1].

«Фарадей» был отдекорирован к Рождеству довольно качественно: повсюду висела мишура, под потолком тянулись лампы в виде свечей, стойка изобиловала рождественскими вкусностями: от пряничных человечков до карамельных палочек, вход охраняли двое эльфов, а на каждом столике стояли подсвечники в виде Санты, держащего фонарь. В ногах у краснобалахонного старика располагалась пепельница – всё же это бар, а не кафе.

- Есть кто-нибудь? У вас было открыто, - тихо сказал вторженец.

Его слова эхом отозвались по всему помещению, но быстро заглохли из-за воя метели.

Не получив ответа, гость закрыл оба окна, прекратив жуткий ледяной сквозняк, а затем достал свой сотовый, проверяя время. Он удовлетворённо кивнул самому себе, спрятал телефон в карман и, бросив сумку на кресло у ближайшего к окну столика, зашёл за барную стойку.

Под разливочным аппаратом юноша обнаружил пару переключателей и кнопку сигнализации. Чужак щёлкнул тумблер – гирлянды загорелись, хотя большие лампы по-прежнему оставались во мраке. Этого хватило, чтобы разглядеть дверь в комнату персонала.

- Есть здесь кто? – громче, чем в прошлый раз, спросил незваный гость.

Парень не стал дожидаться ответа и, оттянув небольшой занавес из пластиковых бус, прошёл дальше. Среди картонных коробок, вешалки, небольшой кухоньки и двух громадных сумок он заметил одинокий женский силуэт, неподвижно сидящий на подоконнике.

- Извините.

Девушка пришла в себя, чуть не вывернув кружку чего-то горячего себе на колени. Она обратила внимание на гостя и широко раскрыла глаза, удивившись посетителю.

- У вас табличка «Открыто» висит. Работаете?

- До последнего клиента, - воодушевлённо ответила юная особа. - Мелл Филипс, сегодня к вашим услугам. Хотите выпить?

- Только какао, пожалуйста.

- Эм... Но у нас нет какао. Может чай, мистер?..

- Стюарт, Джейкоб Стюарт. Чай с сахаром подойдёт.

- Мистер Стюарт, ваш заказ будет готов через пару минут.

- Благодарю.

Джейкоб удалился в зал для посетителей. Найдя своё местечко, он рухнул на кресло и достал из сумки новую, но уже потёртую книгу. Без сомнений, её очень часто носили в походных условиях и открывали, так как корешок находился в плачевном состоянии.

Через пару мгновений загорелись и большие лампы – зал залил тёплый свет. Из коморки выглянула барменша, которая накинула фирменный чёрный фартук и повязала чёрную бандану с белыми оленями на ней, что выглядело странно, но весело. Она принялась разогревать кофемашину, искать заварку и сахар. Каждое действие давалось ей с невероятной лёгкостью, так что мастера можно было заметить за милую. Точные отточенные движения. Мелл даже не смотрела на руки, делая своё дело! Сразу создавалось ощущение профессионализма и безграничной любви барменши к собственной работе.

Не только Джейкоб время от времени отрывался от своей книги, чтобы изучить мисс Филипс, но и Мелл так же иногда поглядывала на странного посетителя, который не снял пальто. Она без труда поняла, что мистер Стюарт промёрз до ниточки и хотела было закрыть окна, но обнаружила их уже закрытыми.

Интерес у девушки вызывала и книга, которую читал посетитель, - «100 и один способ почувствовать себя счастливым». Черноглазый юноша ушёл из дому в рождественскую ночь, проигнорировав все приличия. В каком-то смысле Мелл видела в этом человеке себя.

Барменша быстро и умело заварила крепкий чай, поставила чашку и сахарницу на поднос и подошла к Джейкобу, на мгновение замерев. Мелл не могла оторваться от лица, вроде бы незатейливого, но такого мужественного. Робкие чёрные волосы оттеняли мрачные злые глаза, полные печали и скорби, выразительные скулы и ухоженная кожа контрастировали с серьёзным острым подбородком. Из-за расстёгнутой верхней пуговицы рубашки Мелл смогла разглядеть мужественную грудь парня, на чём он её и словил. Стюарт бросил презрительный взгляд на барменшу, но только на мгновение, а затем, поблагодарив прислугу, снова уткнулся в книгу, поглощённый чтением.

Оставив заказ на столе, Мелл поспешила удалиться. Она быстро вылила в раковину остывший чай, который так и не смогла допить из-за прихода клиента, и тщательно промыла кружку, слегка волнуясь и косясь то на часы, то на большие сумки, стоящие в служебном помещении.

Время шло, короткая стрелка неумолимо клонила к двенадцати, иногда застывая на

несколько мгновений, будто вспоминая что-то важное. Часовой механизм старался продлить Сочельник, каждое дополнительное мгновение было наполнено неким таинственным смыслом. Двое людей собрались в праздник семьи под одной крышей, избегая родственников, друзей и близких. Они видели друг в друге собственное отражение, как это бывает, когда смотришь в волшебное зеркало, говорящее и показывающее только правду.

Не проходило ни минуты, чтобы Мелл не бросала мимолётный взгляд на одинокого клиента. Как бармен, она должна была уметь поддержать беседу на любую тему, однако нелегко вести диалог, которого нет. За всю свою короткую «карьеру» девушка ни разу не встречала человека, труднее идущего на контакт, чем этот. Пусть Джейкоб и имел модельную внешность, его глаза пугали. От них хотелось убежать и спрятаться, больше никогда не заглядывать в огоньки, полные ненависти ко всему миру.

ДИНЬ ДОНН ДИНЬ ДОНН...

Большие часы с колокольчиком, подвешенные рядом с телевизором, на котором жители Спрингдейла любили по пятницам смотреть бейсбол и конные скачки, били что есть мочи, оповещая о наступлении полуночи. Пришло время Рождества!

Джейкоб еле заметно умиротворённо улыбнулся, будто у него с плеч упал тяжелейший груз. Он достал из сумки ручку и вычеркнул пару строчек прямо в книге, ещё пару и ещё несколько. Юноша продолжал чёркать каждое слово, затем перелистнул страницу и вновь приступил к необъяснимому занятию, при этом не отвлекаясь ни на что. Даже его сладкий чай давно уже остыл.

Наблюдавшая за этой картиной Мелл не смогла более сдерживаться. Мало того, что этот парень занимает столик более часа, заказав только чай, так он ещё и мешает ей!

С самых первых рабочих дней в «Фарадее» Мелл научилась местному принципу – работа до последнего клиента в любое время дня и ночи, поэтому, даже когда она в перерывах между занятиями заскакивала на работу, то всегда переворачивала вывеску на «Открыто». Вопреки всеобщему мнению, в барах не всегда прожигают свою жизнь только выпивохи и дурни. Здесь полно весёлых, интересных, но одиноких людей, поэтому «Фарадей» становился для них вторым домом. И даже на Рождество это заведение наполнилось бы клиентами, если бы не ужасная метель. Тут и управляющий, свято верящий в своё дело, оказался бессилен.

Не в силах более выносить шуршание мятых страниц, Мелл схватила поднос, прижала его к груди и подбежала к клиенту. Она застыла в нерешительности, наблюдая за еле шевелящимися губами Джейкоба. Мистер Стюарт, похоже, действительно был доволен тем, как ловко он портил книгу, из-за чего полностью ушёл в процесс, не реагируя на девушку.

Барменшу несколько месяцев назад научили великой премудрости официанток – всегда держи поднос при себе. Закажет – принесёшь, пристанет – пришибёшь. Ей стоило бы быть осторожнее с таким подозрительным типом, как Стюарт, однако шестое чувство подсказывало, что ему можно верить.

- Кхм... - попыталась обратить на себя внимание юная особа. – Разве вы не собираетесь домой, мистер Стюарт? Рождество же.

Недовольный тем, что его оторвали от весьма занятого дела, Джейкоб с силой захлопнул книгу, сунул её в сумку и уставился на барменшу холодным взглядом. Казалось, сейчас он способен на убийство.

Юная мисс Филипс сглотнула, сделала робкий шаг назад и уже хотела было извиниться за беспокойство, но, к своему величайшему удивлению, парень напротив оказался более дружелюбным, чем могло показаться из-за его взгляда:

- Можно просто Джейкоб. Я доставляю вам неудобства своим присутствием?

Официальная манера общения, не характерная для молодёжи, сильно старила гостя, а его лёгкий и непринуждённый говор казался настолько идеально отточенным, что даже диктор новостей не смог бы сравниться с ним в строгости и ритмичности.

- Нет, нисколько, просто мне немного интересно.

Мелл перешла в наступление, поняв, что собеседник расположен к продолжению разговора. Она надеялась удовлетворить своё любопытство и заодно избавиться от запоздалого посетителя, вот только почему-то её влекло к этому необычному пареньку, не боящемуся леденящей стужи.

- Что вас заинтересовало?

- Не поймите неправильно, просто... Почему вы один? Я хочу сказать, Рождество же. Неужели вас никто не ждёт?

- Разве не видно? – Джейкоб слегка усмехнулся, окончательно раскрепостившись. Его дружелюбная улыбка выглядела очень доброй и нежной, не под стать произнесённым словам: - Я прячусь от Рождества.

Если и было в мире что-то, что могло заставить Мелл прийти в ступор, то оно только что прозвучало. «Прячусь от Рождества» - большего абсурда услышать невозможно, ведь как можно спрятаться от праздника? Девушка была в шоке, а её непонятливый взгляд только веселил игривого беглеца.

- Но ведь это неправильно! Так не должно быть! – вспыхнула она. – Каждый должен быть дома с родными в этот день.

- Хах, довольно лицемерно, не находишь? Упрекать меня в бегстве от семьи, когда как сама ты ничуть не лучше. В чужом глазу соринку видим, ведь так?

Похоже, спор с незатейливой барменшей раззадорил Джейкоба. Благодаря веселью, которое он получил от этого разговора, юноша почувствовал себя лучше. Особенно его забавляла реакция мисс Филипс. Пусть она была и старше, но не могла ответить на его слова ничем стоящим. Джейкобу до жути захотелось устроить нечто, похожее на соревнование:

- Если ты расскажешь, почему проводишь Рождество в одиночестве в баре, без света и с открытыми настежь окнами, то и я поделюсь своей историей.

Уж какой только реакции не ожидал Стюарт, но увидел он совсем не то, к чему готовился. В глазах девушки мелькнула не досада, в них не было проблеска азарта, лишь полный и безграничный страх перед парнем с Дьяволом.

- М-мне... Пора закрываться... Да! Пора закрываться... Счастливого Рождества, мистер Стюарт!

- Я же говорил, просто Джейкоб, - почти шёпотом добавил заинтересовавшийся парнишка.

Чуть ли не бегом скрывшись в служебном помещении, Мелл прильнула спиной к холодной стенке. Она пыталась отдышаться и успокоиться. Обессиленные руки отпустили поднос, и тот звонко рухнул на пол. Девушке была чужда сама мысль о том, что кто-то может интересоваться причинами её одиночества. Она неуверенно достала из кармана небольшую старинную склянку с синей жидкостью внутри, внимательно посмотрела на неё, но, испугавшись ещё сильнее, почти мгновенно спрятала назад.

У Мелл были дела, которые необходимо завершить как можно скорее. Барменша вдохнула полной грудью, взяла себя в руки и выглянула в зал, но Стюарта и след простыл. О его присутствии напоминала только чашка остывшего чая да мокрые следы растаявшего снега.

Временной хозяйке бара ничего не оставалось, кроме как повернуть табличку на «Закрыто». Она сняла униформу, аккуратно сложила в свой шкафчик, оделась по-зимнему тепло и стала уже застёгивать куртку, когда нащупала в кармане небольшое уплотнение. Мелл совсем позабыла о перчатке, которую нашла.

- Вряд ли у меня будет время искать владельца, - слетели с её губ тихие слова.

На стене, рядом с большим окном, выходящим на переулок, висела огромная доска, на которой каждый посетитель мог оставить надпись мелом или повесить свою фотографию на магнитике. Барменша взяла булавку и прикрепила перчатку к раме, а рядом приписала: «Чья?». В Рождественскую ночь случаются чудеса, так что возможно когда-нибудь в «Фарадее» объявится тот самый таинственный владелец перчатки.

Мелл не забывала поглядывать на часы, как будто её время медленно уходило. Она вытащила свои сумки на свет, нырнула в них что называется с головой и достала оттуда бархатную красную шапку с белым помпоном.

Закрыв жалюзи на всех окнах, девушка собралась с духом. Она была готова перевоплотиться в Санту на одну ночь ради достижения своей цели.

СКРРРРРР

- Это будет выглядеть нелепо. Ха-ха-ха-ха, - звонко рассмеялся Джейкоб.

На его лице гуляла живая улыбка – так весело задире не было очень давно. Он, словно Гринч, созрел для гениального плана: ужасного, но гениального. Не даром большинство тех, с кем Стюарт был знаком, считали его гением с большой буквы. Иной раз даже учителя не смели перечить юному дарованию. Казалось бы, как во всей этой божественной кутерьме, в которой тебя превозносят и почитают, можно остаться одному? Однако это возможно – Джейкобу скучно. Он достиг всех вершин, принёс в жизнь все сценарии, сделал невозможное возможным и даже обыграл двукратного чемпиона мира в шахматах. К сожалению, или счастью, последнее его достижение не было официально учтено, так как игра проходила в отеле, но не ради награды вундеркинд победил сильнейшего из соперников – только из-за своей безграничной скуки.

Глядя на девушку, пытающуюся влезть в костюм Санта Клауса, который явно на пару размеров жмёт ей в груди, Джейкоб не мог не улыбаться. В эту холодную ночь, когда он чувствовал себя хуже, чем во все остальные 364 дня в году, нашлась та, кто сумела своей глупостью развеселить его.

- Я думала, ты уже ушёл. Чёрт...

От досады Мелл прикусила язык, её щеки стыдливо покраснели, а блуждающий взгляд делал барменшу похожей на котёнка-попрошайку.

- Это и правда так глупо выглядит?

- Даже глупее, чем ты можешь себе представить, но за старания тройку поставлю. И кого же ты пыталась обмануть, перевоплотившись в Санту? Или это такая ролевая игра для твоего парня?

- Нет у меня никакого парня!

Разозлённая девчонка грозно топнула своей миниатюрной ножкой и надула щёки. До неё никак не могло прийти, что этот наглый парень играет с ней, как кошка с мышкой, а как только надоест, возьмёт да и съест, даже не облизнувшись.

- Хах, тогда это эротический наряд для твоей девушки? Всё же двадцать первый век – удивительное время...

- Нет! Нет! Нет!!! Придурок, да как ты только мог подумать такое?! Тупой извращенец! Теперь понятно, почему ты в Рождество остался один!

- Ух, как оскорбительно... И скучно. Было бы намного веселей, если бы тебя влекло к девочкам. Подумаешь, что в этом такого? Я сам отчасти немного лесби.

«Быть может, это именно та мышка, с которой мне никогда не надоест играть», - подумал Джейкоб, когда увидел огромные округлившиеся глаза своей «плюшевой» игрушки. Он был настолько воодушевлён этим занятием, что на мгновение позабыл о дате.

Злая, нервная, напуганная, взъерошенная, дышащая паром Мелл не могла никак отреагировать на подобную шутку. Ей попадались хамоватые клиенты, но их она отваживала на раз-два. Что же мешало девушке поступить так же и с этим придурком, она и понятия не имела. В результате потерянная девчушка могла только смотреть на своего компаньона.

- Ох, да хватит уже меня взглядом сверлить. Никогда идиота не видела? – Джейкоб оттянул одно веко и показал язык, изображая на своём лице клоунскую гримасу, которой иногда баловался его единственный друг – Грегори.

Устало вздохнув, Мелл приняла судьбу и наконец-то решила разобраться с назойливой проблемой:

- Чего тебе надо?

Будто и не замечая её слов, Джейкоб молча подошёл к громадной сумке, достал оттуда красный балахон и накинул поверх пальто. Представив себя моделью, юноша покрутился, как на подиуме, заглянул в тёмный экран телевизора, подобно зеркалу отразивший всё его великолепии.

- Мне идёт? – с широкой улыбкой спросил он без доли стеснения.

Мелл не знала, что ей ответить. Она считала, что лучшим актёром на роль Санты был бы седовласый полный весёлый старец лет пятидесяти, но увидев, как органично на широких плечах Стюарта легла шуба, в мгновение ока изменила свои убеждения.

- Поразительно! – запинаясь, произнесла несостоявшаяся мисс Клаус. – Тебе бы волосы отбелить и щёки надуть – вылитый Санта!

- Правда? – Джейкоб ещё раз осмотрел себя с ног до головы, а затем звонко и тяжело захохотал: - Хо-хо-хо!

- Поразительно! Ты и голос менять можешь?

- Я внук Санты, весь в деда.

- Правда?

- Нет конечно, дурочка! Серьёзно? И ты на это повелась?

Наглец, втиснувшийся в красную шубу, не мог больше сдерживаться. Никогда в жизни ему не было так весело наблюдать за какой-то там простушкой. Именно эта нерадивая, на первый взгляд, девчонка сделала сегодняшнюю ночь чуточку лучше, поэтому Джейкоб не смог упустить шанс продлить веселье и ещё немного подразнить свою игрушку, раздосадовано сжимающую маленькие элегантные кулачки.

- Так куда ты собиралась идти в этом наряде, мисс Филиппс?

- Не зови меня так – мне ещё и двадцати нет, – буркнула Мелл в ответ.

Она подошла к окну, выходящему на переулок, занесённый тоннами белых пушинок, опустила жалюзи и тыкнула пальцем в одиноко мигающий красный огонёк – большой крест над главным входом больницы «Springdale General Hospital [2]».

- Хочешь лечь в больницу?

- Нет же, тупица! Я там волонтерю [3]! – Мелл мельком взглянула на часы и опешила: - Господи, как же ты меня задержал!

Она принялась разгружать сумку со снаряжением Санты, при этом проверяя содержимое ещё одной.словно краснобалахонный старикан, барменша сверялась со списком имён, каждому из которых соответствовала игрушка.

Джейкоб был на голову выше девушки, решившей в рождественскую ночь подарить детям немного чуда, поэтому ему не составило труда заметить напротив каждого имени небольшое описание того, что ребёнок хотел получить на Рождество. Он удивился, когда не обнаружил там ни одной игрушки, а затем его улыбка потускнела – до гения дошло. Springdale General – больница, специализирующаяся на исследовании онкологических заболеваний у детей.

- Чёрт... - шёпотом произнёс Стюарт, теряясь на фоне рождественской суеты.

Даже когда он наконец-то нашёл место, в котором мог позабыть о своей единственной в жизни, но бесконечно большой неудаче, его настигает такой сильный удар – целая больница тех, кто должен умереть.

Возможно, даже сам Джейкоб не знал, что сподвигло его на следующий шаг. Он вспоминал тёплые рождественские вечера, проведённые им по многу раз с родителями, сестрой и лучшим другом; к нему приходили призраки прошлого Рождества; с ним болтали остатки его совести. В самую светлую ночь в году, когда каждый мог почувствовать себя чуточку счастливее,

скучающему гению становилось больно, но разве ему было больнее, чем мальчикам и девочкам, большинство из которых знают, что не увидят рождественских огней в новом году? Возможно, что и так, кто же знает... Но именно сейчас Джейкоб принял твёрдое решение сделать всё, чтобы кое-кто мог им гордиться.

- Ты бы так поступила, уверен... - снова тихо прошептал идиот в красной шубе.

Не церемонясь и не спрашивая разрешения, он перенял инициативу, отбросил пальто в сторону и принялся за дело. Стюарт в спешке перевоплощался в добряка, обожающего молоко с печеньем, оставленное у камина.

- Что ты делаешь? Я же спешу! – Мелл попыталась остановить заигравшегося гостя, но тот уверенно оттолкнул её руку.

Впервые за всё их недолгое время вместе барменша увидела не злобный, не игривый и не пугающий, а серьёзный взгляд. Эти бездонные глаза молили разрешить их владельцу сделать хоть что-то не для себя. Они магическим образом приворожили девушку, невольно заставляя задуматься, человек ли перед ней или же ужасный ангел, упавший с тёмных небес.

- Ты pomoжeшь мне?

- Запрягайся в сани, Рудольф [4]! Мы летим спасать Рождество!

Мелл поставила руки на пояс, приняв вид мамы, саркастично ругающей собственного ребёнка, легко улыбнулась и спросила нарисовавшегося на горизонте событий помощника:

- Не ты ли ещё десять минут назад хотел спрятаться от Рождества?

- Хах, что-то в этом есть. Похоже, что я проиграл.

Мисс Клаус почувствовала странное тепло в груди, она прижала руки к сердцу, пытаясь унять в нём дрожь, но прилагаемые усилия не давали желаемого результата. Не веря своему счастью, Мелл успела позабыть о том, что только что её назвали, пусть и сказочно-героическим, но всё же оленем.

- Ладно, тогда давай сделаем это! – задорно подскочила девушка и в прыжке нацепила на своего компаньона колпак Санты. – Где там борода?

- Кажется, вот она.

Одевая бутафорскую бородку и натягивая парик, Джейкоб внезапно остановился на мгновение, пристально изучая хозяйку костюма.

- Ты чего это замер?

- Да так, просто пытался представить тебя с бородой. Ужасное зрелище, ха-ха-ха.

- Придурок...

Пусть Мелл и злилась, но она словила себя на том, что на её лице играла маленькая улыбка, которая никак не желала уходить. Щёки налились румянцем, а губы дрожали. Разве так злятся люди? Не похоже, что героиня рождественской истории, которую она сама же и написала, могла злиться на таинственного гостя. Кто же он такой? И почему его улыбка, хоть и искренняя, но такая грустная? Десятки вопросов мелькали в голове у барменши, но ни один из

них она не решалась задать.

Трудно сказать, сколько времени у ребят ушло на то, чтобы перевоплотить Стюарта в настоящего Санта Клауса. Тяжело пришлось с наращиванием живота, а уж как они закрепляли белоснежную бородку и вспоминать страшно, однако общими усилиями мистер Клаус был готов к своему заданию. Единственной деталью, которую не удалось замаскировать юной леди, оказались чёрные, как угольки, глаза её нового друга.

Последний штрих: Джейкоб достал огромный красный мешок из бархатной ткани и вытряхнул в него содержимое сумок своей спутницы. Игрушки на любой вкус посыпались градом, и на одной из них сработали датчики нажатия – прозвучал милый детский голосок плюшевого кролика:

- Я люблю тебя.

Словно эти слова дёрнули Стюарта за ручник, тот замер, как вкопанный. Казалось, мальчишка позабыл, как дышать. В чувство его привела только Мелл, отвесившая Санте лёгкий подзатыльник и задорно ускакавшая к двери. Девушка вышла на стужу, пальцем маня Джейкоба следовать за ней:

- Пошли, мистер Клаус! Нам нужно спешить.

- Да... - потерянный юноша встрепенулся и, выходя на улицу, опомнился: - Ты свет забыла выключить.

- А, ерунда! Смотри как могу.

Мелл натянула капюшон и сильно ударила по одному из кирпичей, окружающих дверную раму. Тот оказался пластиковым, закрывал механизм выключателя. Своеобразная кнопка легонько щёлкнула, и свет во всём баре погас. «Фарадей» погрузился в молчаливый мрак.

- Правда он замечательный? – с ноткой ностальгии спросила девчушка.

- Ты про бар? Разве к нему можно применять эпитет «замечательный»?

- Забудь.

Шёпотом попрощавшись со своим вторым домом, Мелл Филипс закрыла дверь на три оборота и спрятала ключи в сточную трубу. Её встретил осуждающий взгляд Санты, однако Джейкоб ничего не сказал. Он и сам иногда прятал ключи от дома во дворе, чтобы к ним мог заходить Грег.

Леденящий ветер, кусающаяся метель и острые, как бритва, снежинки стали на пути рождественских благодетелей, но не смогли им помешать. Толстая шуба пусть и была маскарадом, но со своей основной задачей справлялась на ура и отлично удерживала тепло, а вот бедной барменше приходилось пробираться почти в слепую, ориентируясь только на широкую спину проводника Клауса. К тому же она постоянно нервно поглядывала на голые руки.

Преодолев заветные сто метров, хранители Рождества прильнули к широким стеклянным дверям, барабана в них изо всех сил. Спустя несколько секунд к ним подошёл охранник. Низкий коренастый мужчина лет сорока с серьёзной лысиной и тяжёлой небритостью, слегка похожий на неряшливого эльфа, открыл двери больницы, впустив посетителей.

- Я уж было и перестал надеяться, что вы придёте, мисс Филипс, - сказал он, помогая девушке снять куртку.

- Скорее ад замёрзнет, чем я не выполню обещания.

- Ха-ха, а вы довольно серьёзная девушка. Дежурный доктор только что закончил обход и занимается бумажной волокитой, так что мы предоставлены самим себе. Сейчас половина второго, дети просыпаются в 7:30, значит у вас есть пять часов на то, чтобы обойти все палаты.

- Неужели их так много? - вставил слово Джейкоб, протирающий руками мокрое от талых снежинок лицо.

- Нет конечно же, управимся за полчаса. Но я надеялся отблагодарить вас чаем и пирогом с корицей. Моя жена постаралась на славу. Конечно, если у Санты ещё есть дела, то мне будет неудобно вас задерживать.

Только Мелл открыла рот, чтобы произнести настойчивое «нет», как её опередил Стюарт. Голос парня сквозь густую бороду звучал приглушенно, но уверенно:

- Мы с большим удовольствием составим вам компанию. Правда ведь, мисс Филипс?

Слегка раздражённая барменша была до глубины души удивлена поведением компаньона, но молящие глаза охранника не оставляли ей выбора - Мелл утвердительно кивнула и призадумалась, наблюдая за тем, как сторож объясняет Джейкобу план больницы.

Её новый знакомый ушёл из дому в Сочельник, пропал где-то на окраинах Спрингдейла, бесцельно просидел в баре около часа, а затем ринулся помогать первой встречной. Как бы Мелл не хотелось верить, что Джейкоб делает всё это из-за добрейшего сердца, но в её душе закрадывались сомнения: возможно ли, что этот человек всё ещё бежит от Рождества?

- Итак, команда «Рождество»! - игриво и звонко объявил охранник. - У нас есть подарки и есть те, кому их нужно доставить. Я беру на себя медсестёр и дежурного врача - займу их пирогом. Мистер Клаус, вы обходите весь третий этаж - это детское онкологическое отделение. А мисс Филипс...

- Вообще-то, - робко прервала его инициатор мероприятия, - мне бы хотелось поговорить с дежурным доктором. Сегодня же смена мистера Эриксона?

- Да, доктор Эриксон всегда работает в ночь на Рождество. Не может представить себя в это время где-то более нужным, чем здесь.

- Вот и хорошо. Думаю, Джейкоб со всем справится один. Он уже достаточно взрослый и самостоятельный, чтобы ходить по барам, ведь так?

Девушка пихнула напарника локтем в плечо и ехидно улыбнулась, а затем поспешила быстро удалиться в ординаторскую. Провожая её взглядом, Стюарт внезапно осознал, что остался один на один с детьми. Спящими эти маленькие создания угрозы не представляют, но что делать с бодрствующими он и понятия не имел.

- У мисс Филипс большое сердце. Большинство наших покровителей помогают больнице только по случаю своих выборов в мэры или по праздникам, вроде нынешнего, но люди, отдающие себя без остатка, жертвующие время и усилия на пользу нуждающимся... Их очень мало. Не примите за грубость, мистер Стюарт, но к какому типу вы относитесь?

- Понятия не имею, - не задумываясь ответил Джейкоб, ещё раз сверяясь со списком подарков.
- А это так важно?

- Нисколько, просто мне согревает душу то, что мисс Филипс нашла себе молодого человека. Она всегда выглядела такой одинокой.

- Мы не вместе.

- Ох, извините. Но ведь ещё не поздно всё исправить? - сторож хитро подмигнул гостю, закрутил связку ключей на пальце и, насвистывая мотив из песни Стива Уандера «What Christmas Means To Me» ушёл, оставив Санта Клауса наедине с его собственными мыслями.

«Снова один», - мелькнуло где-то в тёмных закоулках разума Джейкоба. Внезапно всё Рождественское веселье и атмосфера праздника вокруг него умерли, а добрая улыбка сменилась беспристрастным выражением лица.

Санта подошёл к справочному столу и заглянул в небольшое зеркальце, стоявшее на нём. В отражении он увидел своё истинное я - человека без эмоций. Его щёки слегка дрожали от напряжения, ведь им так долго приходилось изображать такую живую, но редкую для них эмоцию - веселье.

Джейкобу на самом деле было весело вместе с новой игрушкой, однако он так давно широко не улыбался, что каждая усмешка приносила ему дискомфорт. Это было следствие крайней апатии по отношению ко всему миру, потерявшему свои краски и свою загадочность. Единственный крючок, за который Стюарт ещё мог цепляться, это его годовалая рана на чёрством сердце.

Поправив колпак и бороду, мистер Клаус начал шарить по ящикам стола и удовлетворённо усмехнулся, когда обнаружил остатки сахарных кубиков. Набрав целую горсть «конфет», сладкоежка сверился с планом больницы и направился к лифту, забрасывая в рот по два, а то и по три «леденца», рассасывая их как можно дольше, чтобы продлить ощущение сладости.

Прибыв на нужный этаж, Джейкоб услышал приближающиеся шаги. Он под покровом больничного полумрака украдкой пробрался мимо поста старшей медсестры, завернул за угол и стал ждать. Как только девушка в светло-синем медицинском одеянии объявилась в коридоре, Санта понял, что обречён быть раскрытым, если быстро не придумает что-то.

Как на зло, он был гением. По крайней мере, таковым его считали окружающие, хотя большинство из них на дух не переносили заносчивый и эгоистичный характер вундеркинда. Стюарт достал телефон и набрал номер поста, большими цифрами написанный на стене, около часов. Мельком глянув на дату, Джейкоб перевёл дыхание.

Раздался телефонный трель - шаги ускорились, и медсестра пробежала мимо Санты, буквально распластавшегося по стене. Девушка подняла красную трубку дискового аппарата, но услышала лишь гудки. Будто такое случается каждый день по многу раз, медсестра положила трубку и, ничего не заподозрив, уселась читать журнал.

Тем временем Джейкоб на носочках проник в первую палату. Света в ней совсем не было, даже окна были плотно занавешены, однако на комод у кровати стояла маленькая искусственная ёлочка, слегка украшенная мишурой и огоньками.

На кровати весела карта с историей болезни, на которой легко читалось имя - Мелони Гёттэ. Чуть ниже располагалась строка диагноза и медицинских назначений. Скорее из любопытства,

нежели из сострадания Стюарт отвернул страницу и прочитал то, что ему знать было не обязательно: «Рак поджелудочной третьей стадии с метастазами в почках и печени». Полгода назад врачи дали этой девочке шесть месяцев, и вот её время истекло, но она всё так же борется.

Осторожно, стараясь не издавать звуков и даже не дышать, мистер Клаус приблизился к тумбочке, снял с плеча мешок и достал из него нужный подарок – большого лопоухого розового слона. Мягкая игрушка как нельзя лучше подходила девочке, над больничной койкой которой висел рисунок саванны с жирафом. Судя по фамилии, отец этого ребёнка родился в Германии, поэтому Джейкоба мучил вопрос: кто привил крохе такую любовь к Африке?

Не сумев удовлетворить своё любопытство, «актёр» выполнил сверхсекретное задание – оставил игрушку на тумбочке, и покинул палату, чуть не перевернув стойку для капельницы. Он прокрался в коридор, где услышал, как медсестра говорит по телефону со своей подружкой.

Следуя плану этажа, Санта Клаус мастерски, словно ниндзя, обучавшийся у монахов в горах десятилетиями, проникал в палаты, оставлял рождественские подарки и исполнял свою миссию добра. Где попадалось печенье с молоком, он откусывал немного и выпивал ровно полстакана, как это в его представлениях должен делать профессиональный Санта.

Между тем у Джейкоба закрадывались странные подозрения по поводу своей подручной: почему она так спешила? Меньше, чем за полчаса, он сумел обойти почти все палаты, времени осталось достаточно, чтобы объехать ещё пару больниц. Так почему же одинокая барменша так торопилась сыграть роль мистера Клауса в рождественскую ночь, ведь она убежала ото всех, кто ждал её.

Размышляя о подобных сценариях, Санта ненароком оступился, пробираясь к очередной койке, и споткнулся об игрушечную железную дорогу. Пластиковый машинист проснулся, паровоз пришёл в движение и звонко загудел.

уууууууууууууу

- Тц... Проблема...

Обида переполняла Стюарта: умело проскользнуть через пост медсестры, обойти все палаты, чтобы споткнуться на последней – это жалко. Он медленно обернулся на койку, в которой мирно спал мальчик лет восьми, а затем пнул паровоз ногой – шум прекратился.

Шли тяжёлые мгновения, а ребёнок всё не просыпался. В конце концов к мистеру Клаусу вернулось его хладнокровное самообладание и, поправив бороду, он осмелился завершить начатое. Аккуратно подойдя к ёлке, Джейкоб достал один из последних подарков с пометкой: «Джимми Литтл» и нагнулся, чтобы положить его под рождественское дерево, но Санту встретила небрежная записка с несколькими строчками неразборчивого детского почерка:

«Дорогой мистер Клаус! Я знаю, что ты весь год работаешь, чтобы подарить детям то, чего они больше всего желают на Рождество. Должно быть, ты очень сильно устаёшь. Пожалуйста, оставь мой подарок себе. Он тёплый и поможет тебе и дальше приносить волшебство.

Джимми Литтл».

В глазах актёра, играющего роль рождественского волшебника, малыш Джимми сломал устоявшуюся систему. Каждый ребёнок ждёт подарка на Рождество, не многие дарят их сами, но абсолютно никто ещё не дарил подарок Санте.

Если бы Джейкоб был способен чувствовать, он, скорее всего, пустил бы скупую трогательную слезу, однако, лишённый всех человеческих эмоций, Санта не мог сделать абсолютно ничего. Он неумело развернул бумажный свёрток и достал из него красный шерстяной шарф большой длины, по концам которого белые ворсинки расходились, словно щётка.

- Тебе нравится?

Сонный тихий детский голосок звучал очень слабо, как звучит комар среди поля стрекочущих сверчков, однако этой громкости хватило, чтобы заставить Санту ошарашиться. Джейкоб медленно поворачивался, боясь предугадать последствия своих действий.

Будь на его месте реальный актёр или даже простой равнодушный человек, он бы сумел найти общий язык с ребёнком, убедить его, что это сон, или сыграть доброго пузатого ворчуна с мешком подарков, прибывшем в Спрингдейл на оленьем такси, но ораторские навыки Стюарта были чересчур философскими и не предназначались для детских ушей. Он мог умело заставить человека почувствовать себя глупым куском дерьма, однако терялся, как только ситуация требовала произнести хвalebную речь или приукрасить истину.

Перед Сантой стоял смелый худощавый мальчик. Даже в темноте легко можно было различить глубокие фиолетовые круги под глазами и десятки пластырей, наклеенных на каждое предплечье из-за огромного количества поставленных в прошлом капельниц.

- Мистер Клаус?

Не зная, как правильно реагировать, Джейкоб вспоминал те сцены из рекламы, которые мельком видел пару раз по телевизору. В голову ему не пришло ничего лучше, чем претвориться весельчаком:

- Хо-хо-хо! С Рождеством, малыш, - грубым задорным голосом произнёс Санта и похлопал большого мальчишку по плечу. - Будь сильным в этом году, маленький Джимми, слушайся маму с папой. Хо-хо-хо!

Вопреки ожидаемой реакции мальчик не обратил никакого внимания на слова повелителя Рождества, напротив, он отвернулся и нагнулся, поправляя поезд, сошедший с рельс. Литтл внимательно осмотрел состав и с облегчением вздохнул, когда убедился в его целостности и сохранности.

Джейкобу была чужда такая привязанность к вещам, тем более игрушкам. Помнится, в младших классах у всех детей был любимый зверёк, машинка или кукла, но в жизни юного Стюарта никогда не наступал переломный момент, после которого хотелось бы обнять плюшевого медведя или поиграть с пластиковым Бэтменом. Именно поэтому Джейкоб столько времени отдавал учёбе - для него это была игра.

Видеть теперь, как бережно и заботливо Джимми относится к своему поезду, - это было, как минимум, странно. Практически сразу Санта сообразил, что в Рождественскую ночь единственной распакованной игрушкой в комнате мальчика может быть только досрочно открытый подарок. В подтверждение своей гипотезе Стюарт заметил аккуратно развёрнутую коробку со следами упаковочной бумаги. Идея пришла в голову мистера Клауса!

- Разве хорошо распаковывать подарки до наступления утра? Джимми Литтл, ты должен проявлять больше терпения. А теперь ложись спать, а не то занесу тебя в список плохишей на следующий год.

- Может быть следующего года уже не будет.

Взрослые слова снова привели Санту в ступор. Джейкоб никак не ожидал услышать от ребёнка нечто подобное, хотя и понимал, что больные раком вырастают намного быстрее, ведь им приходится тащить на себе тяжкий груз и ловить сочувствующие взгляды окружающих.

Пускай чудо могло быть уничтожено, пускай он, как Санта Клаус, мог быть раскрыт, но вундеркинд просто не мог спрятать любопытство в глубины своей пустующей души:

- Ты думаешь, что умрёшь, и поэтому решил сделать что-то хорошее?

Его слова любому взрослому показались бы грубыми и оскорбительными, но юный Литтл не обратил на формулировку никакого внимания – его беспокоил только смысл.

- Доктор сказал, что у меня первая стадия и шансы очень хорошие.

- Но ты всё равно думаешь, что умрёшь. Почему ты не надеешься?

- Моя мама надеялась, когда ей сказали то же самое, - мальчик поправил рельсы и поставил на них поезд. – На последней неделе ей было больно, но она всегда улыбалась и делала окружающих счастливыми. Разве это не хорошо – делать кого-то счастливее?

Реагировать как Санта Джейкоб уже был не в состоянии – его пожирали чувство любопытства и желание поиграть с маленькой невинной душой, но всё же он держал себя в руках ради сохранения Рождественского чуда.

Решив осчастливить того, кто обычно делает счастливыми других, Джимми стал деталью, которая починила одну из частей этого загадочного мира. Его стараниями Джейкоб узнал что-то новое – люди могут не только забирать. Да, подарок сделан в детских корыстных целях – стать похожим на свою мать, но делает ли это его менее значимым? Нисколько!

Словно наблюдая редчайшее явление, Стюарт медленно повязал шарф на шею, а затем задорно рассмеялся, пытаясь симулировать улыбку. Он потрепал Джимми по его блондинистой головке и весело сказал:

- Большое спасибо, Джимми, за заботу. О-хо-хо! Позволь мне поделиться с тобой капелькой волшебства, - Санта наклонился к мальчику и посмотрел ему в глаза. – Если ты чего-то хочешь, оно обязательно сбудется, стоит только перестать желать и воплотить это в реальность самому.

- Правда?! - в глазах юного Литтла загорелась искорка надежды, слегка заглушённая нотками детского недоверия.

- Правда. Я же великий и ужасн... могучий Санта Клаус! Хо-хо-хо! Давай пообещаем друг другу, что встретимся и в следующем году, и тогда ты закажешь у меня такой подарок, какой сам захочешь. Договорились?

Джимми робко посмотрел на искусственную бородку мистера Клауса, затем на синтетический костюм, к слову, очень душный, а потом тихо спросил:

- А можно я скажу, чего хочу, уже сейчас?

Джейкоб молча кивнул, поражаясь своему артистизму.

- Хочу, чтобы в следующем году ты улыбался. Нельзя дарить улыбки другим и при этом самому

ходить грустным.

С этими словами Джимми Литтл забрался в постель и укутался в одеяло. Он тихо прошептал напоследок:

- Это был всего лишь сон.

Если Стюарт и мог улыбаться, то только злорадной усмешкой, поэтому он никак не среагировал на чудесный поступок такого маленького, но такого взрослого малыша. Ему стало интересно, насколько доброе и чистое сердце может быть у ребёнка. Возможно ли, что все мы приходим в этот мир невинными?

- Как бы не так... - фыркнул Санта и, переступив через железную дорогу, покинул палату, напоследок обронив только пару слов:

- С Рождеством.

Литтл – какая «маленькая [5]» фамилия, но какое большое сердце. Без сомнений, человек с такой доброй и открытой душой не может умереть так рано, и эта мысль согревала Джейкоба изнутри. Преисполненный гордости за самого себя, он окинул взглядом почти пустой мешок, в котором остался последний подарок, и направился вниз, к главному входу больницы, по пути стягивая одеяние Санты и перевоплощаясь в угрюмого прохожего, которого боятся дети и призирают взрослые.

Однако, как это часто бывает с людьми, которые любят думать всегда и везде, независимо от ситуации, Стюарт сбился с мысли. Он напрочь позабыл план здания, в котором находился, что было для него не характерно. Возможно, эта была первая вещь, которую он смог забыть с младших классов. Недосып сказывался даже на таком сильном разуме.

Пропетляв несколько минут по третьему этажу, Джейкоб кое-как умудрился найти лестницу и спуститься на уровень ниже, а там уже, основываясь на плане эвакуации при пожаре, определить путь до точки randevu. И всё бы было хорошо, не услышь он знакомый голос Мелл, раздающийся из приоткрытой двери по правую сторону коридора.

Как всегда, руководствуясь лишь любопытством, гениальный мерзавец прильнул глазом к замочной скважине и внимательно наблюдал за своей игрушкой, мило беседующей с дежурным врачом:

- ...это действительно щедро, поэтому мы не можем принять такую сумму, - доктор Эриксон сунул чек назад в руки девушке, мельком повернув его к двери. Даже этих двух секунд хватило на то, чтобы Джейкоб различил весомую сумму в 17.564\$ и 52 цента.

- Пожалуйста, примите эти деньги. Ваша больница всё равно их получит: либо так, либо через официальное пожертвование. Как думаете, во втором случае какой процент от этих денег дойдёт до вашего отделения?

Мистер Эриксон сглотнул, понимая, что правление ни за что не откажется от любого пожертвования, ведь через официальный канал они смогут распределить эти средства на всю больницу и, соответственно, все её расходы: от оплаты рекламы до установки кулеров.

- Хорошо... Мы примем их. Как нам вас благодарить?

- Просто сделайте мир чуточку лучше, - Мелл Филипс ослепительно улыбнулась дежурному

врачу, и уже второй раз за рождественскую ночь Джейкоб оказался поражён.

Любитель подглядывать понимал, что яркая улыбка барменши – всего лишь маска. Определить это достаточно просто – если эмоция счастья искренняя, то при усмешке или улыбаясь человек непроизвольно сморщит глаза, но чистые, стеклянные зрачки Мелл говорили о том, что она сдерживает поток эмоций.

«Санта сделал мне подарок, указав на эту девчонку», - подумал Стюарт и поспешил в фойе, чтобы встретиться там с ничего не подозревающей Мелл. Он наконец-то понял, как вывести её на чистую воду, - дать то, чего девушка желает больше всего на свете.

- Мисс Филипс, а как же пирог? – не унимался добросердечный охранник, обиженный на враньё гостей, оставляющих его одного.

Совсем недавно Стюарт вышел покурить и не вернулся, а когда Мелл пришла в фойе, вместо своего помощника она увидела лишь мешок, наполненный вещами Санта Клауса. Это не на шутку разозлило барменшу, но и дало ей шанс вырваться из плена старого сторожа.

- Приношу свои извинения, но мне срочно нужно найти друга, - Мелл в спешке оделась и, подбежав к стеклянной двери, всмотрелась в ночную даль – она искала Джейкоба, который, как банный лист, прилип к ней и не хотел отпускать. Убедившись, что преследователя и след простыл, девушка вышла наружу, вдыхая свежий морозный воздух.

- Пойдите, а как же костюм!

- Порадуйте внуков, там и для них подарок есть, - улыбнулась мисс Филипс и подмигнула напоследок, а затем исчезла в переулке, не освещённом фонарями.

Охранник удовлетворённо улыбнулся, додумывая, как развернутся события рождественской ночи для этих двоих, а затем запер дверь и вернулся на пост, чтобы перекусить вкусным пирогом с какао и посмотреть пару семейных фильмов. Он точно знал – с таким другом добродетель Мелл Филипс не пропадёт.

В то же время Спрингдейл постепенно успокаивался. Город погрузился в глубокий сон: тысячи взрослых и детей ожидают наступления Рождества в своих уютных кроватях, мечтая о чудесах и веселье, которые произойдут с ними в этот день.

Метель сослужила хорошую службу, перекрыв все транспортные пути и оборвав несколько линий электропередач. На улице ни души, вывески и огни погасли, толстым слоем снега укрыты переулки.

Пробираясь через настоящие горы, Мелл смело смотрела по сторонам, ища подходящее место. Она пыталась не думать ни о чём, но это у неё выходило слабо. Мысли барменши пребывали с баром «Фарадей», который стал для неё вторым домом и семьёй, упрасивающей дочь остаться на праздники. Удивительно, насколько может измениться мир за одну ночь.

Существует на этой планете нечто, что заставляет людей верить в чудеса, и, как ни странно, но этим нечто являются сами люди. Самое сокровенное в наших сердцах и есть самое большое чудо, которое может повлиять на абсолютно любую вещь.

Возьмём, к примеру, её – девушку с великим даром к делу бармена, умеющую слушать не только ушами, но и душой. Посетители всегда старались выгадать время, чтобы прийти в бар в её смену, и дело тут отнюдь не в том, что они хотели женского внимания, нет. Многие клиенты не сразу признавали в Мелл девушку, ведь она всегда так активно обсуждала бейсбол, а её смех звучал по-мужски настырно, грубо и самоуверенно. Сколько раз юная мисс Филипс задирала посетителей, но никто не жаловался – все прекрасно осознавали, что в этом и заключается её работа: не обслуживать, а служить и оставаться верной завету бармена. Она могла быть и жилеткой для слёз, и напарником для спора, и другом для разговора – все эти части на самом деле и есть Мелл Филипс, единственная и неповторимая. Поэтому ей было так грустно прощаться с «Фарадеем», ведь, как бы самовлюблённо это не звучало, но без неё в этом баре станет чуточку прохладнее.

Нельзя было точно сказать, сколько Мелл скиталась по ночному городу, но среди белых вершин и серых верхушек многоэтажных домов она наконец-то нашла приют – небольшая фабрика по изготовлению спичек, которая уже как год закрыта на реорганизацию производственных процессов.

Девушка стянула перчатки и, швырнув их в снег, быстрым ловким движением ухватила за забор, сделанный из стальной сетки. Она подтянулась на своих тоненьких грациозных ручках и осторожно перебросила ногу на другую сторону, затем другую и уверенно спрыгнула, отряхивая руки от ржавчины.

Окинув взглядом выбранное ею место, Мелл пыталась понять, как пробраться внутрь цеха, но внезапно её озарила другая идея, и барменша слегка улыбнулась. Она расстегнула куртку, сбросила шапку и взъерошила тёмные волосы, на которые тут же осело несколько белоснежных хлопьев. Щёки налились приятным багровым румянцем.

БАМСЬ

Где-то вдалеке раздался странный звук, как будто кто-то пнул жестяную банку. Девушка напрягла слух, приготовившись бежать от сторожа, но звук повторился снова, причём точно такой же громкости. Несколько раз банка играла с воображением нарушительницы, пока Мелл не поняла, что та шумит синхронно с порывами ветра.

- Какая же я глупая, ха-ха.

Усмехнувшись самой себе, она обошла здание вокруг и выбрала тёмный уголок между трансформаторной будкой и чёрным ходом для рабочих, а затем присела на холодную бетонную плиту. Мелл посмотрела высоко вверх, на чёрно-синее небо, в надежде разглядеть хоть пару созвездий, но плотная завеса из туч разбила все надежды в пух и прах.

Тяжело вздохнув, девушка улыбнулась, укрылась воротником поплотнее, присыпала ноги снегом и положила голову на холодную жестяную дверь, прикрыв на минутку глаза. Ей казалось, что она дома, в своей кровати, с кружкой горячего кофе и книгой, которую никак не могла дочитать из-за нехватки времени. Возможно в последний раз она чувствовала тепло собственных рук, слышала биение сердца и шум дыхания. Всем этим Мелл наслаждалась с улыбкой, не страшась холода, укутывающего её хрупкое тело.

Быть может заснула на пару минут, а может и нет, но время, когда она мечтала о доме, показалось ей целой вечностью.

- Когда-нибудь всё хорошее заканчивается.

Не снимая с себя лёгкой умиротворённой улыбки, барменша сунула руку в карман и достала небольшой пузырёк с потёртой, пожелтевшей от старости биркой. Она откупорила бутылочку и сделала глоток синей жидкости. Как только вещество коснулось её губ, те потеряли свой ярко-малиновый оттенок, стали бледно-розовыми, а румянец ушёл в небытие – всего одной капли было достаточно, чтобы избавить тело от жизненной силы.

ХРУСЬ ХРУСЬ ХРУСЬ...

В темноте, холоде и с ядом на губах Мелл подумала, что ей послышались шаги, но вставшая перед ней тёмная фигура убедила её в собственной реальности. Возможно, это галлюцинация пытается сыграть злую шутку с девушкой, а может и нет, но в любом случае для неё беспокоится о чём-то было уже лишним.

- Кто бы ты ни был, уходи... - слабеющим голосом сказала мисс Филипс и лениво отмахнулась рукой от прохожего, который, к слову, так же не боялся холода.

Расстёгнутое пальто и воротник белой рубашки трепыхались на порывах ветра, словно чёрный флаг пиратского судна и белый флаг королевского корабля. Казалось, что человек напротив не имеет ничего общего со всеми остальными людьми на белом свете, а его аура насквозь пропитывала окружение болью, печалью и страхом.

Меньше всего Мелл в подобный момент был нужен именно такой настрой, однако ей, почему-то, от присутствия незнакомца становилось только теплее. Она чувствовала, как яд медленно распространяется по кровеносным сосудам, охлаждая её изнутри, но сердце продолжало гореть жизнью.

- Как глупо, - пусть голос и звучал до боли знакомо, он сильно изменился, стал отстранённым, высокомерным и... снисходительным. Наверное, так Дьявол говорит с душой, которую собирается отправить на вечные мучения в своих владениях.

Силуэт вырвал из слабеющей хватки девушки пузырёк, достал смартфон и, включив фонарик, попытался прочесть бирку:

«Venenum pro hominibus

Sanguis Frigus cum radicibus Tyrihelmi»

В мерцающем свете экрана Мелл сумела разглядеть своего призрака – одинокий посетитель бара, увязавшийся за ней, на самом деле стал тенью барменши и безуданно следовал за ней по пятам. Возможно, это было и к лучшему, ведь никто не захотел бы умирать в одиночестве.

Уйдя от семьи и друзей, юная Филипс пыталась оградить их от собственных проблем и эгоизма, ведь она не могла заставить близких людей пройти через её муки. Однако с Джейкобом Мелл знакома всего несколько часов и, судя по его беспристрастному лицу, он даст ей умереть спокойно, при этом будет наблюдать, как падальщик, ищущий своей доли.

- «Яд для людей. Холодная кровь с корнями какой-то дряни», - озвучил свою догадку Джейкоб.

Он закрыл флакон, положил его в карман, сделал пару шагов навстречу самоубийце и присел перед ней на корточки. Мелл почувствовала, как что-то колючее и тёплое, похожее на шерстяной шарф, обволакивает её шею и щёки, затем она услышала звук закрывающегося молнии. Следом Стюарт одел на неё перчатки и шапку, которые девушка так предусмотрительно выбросила.

- Это всё равно не поможет, - хрипло ответила она на чрезмерную заботу.

- Но ты не просто так пыталась охладить себя. Яд называется «Холодная кровь», думаю, он охлаждает человека изнутри, но одного его мало для смерти. Вещество должно работать вместе с морозом. Интересный способ самоубийства: медленный, ненадёжный, но безболезненный.

Даже находясь на волосок от гибели, Мелл смогла искренне удивиться, ведь этот нахал верно определил действие яда. Пару недель назад девушка купила на гаражной распродаже сундучок со склянками, который хотела поставить в баре как украшение, и нашла там один полный пузырёк с инструкцией. Упустить такой шанс было бы непростительно.

- Как ты нашёл меня?

Мелл пыталась отвлечь Джейкоба разговорами, заманить в ловушку разума, так как тот начал растирать ей руки и ноги, отбрасывать снег в стороны, пытаясь повысить температуру тела.

- Это было не так уж и сложно, - Стюарт кивнул в сторону следов на снегу.

- Понятно. Но как ты узнал, что я собираюсь сделать?

- Обычно, когда люди хотят сделать пожертвование, они ограничиваются круглой суммой, но ты же выплатила всё до последнего цента. Это и твоя спешка насторожили меня. Хотела успеть умереть до восхода?

- Какая тебе разница...

Хоть остывающая барменша и пыталась выглядеть серьёзной и непоколебимой, но её мысли дрожали только от одного вида Джейкоба. Кем бы он ни был, от чего бы не убегал в Рождество, оно того стоило, ведь Стюарт воистину читал её, как открытую книгу. Только сейчас девушка начала понимать, что является игрушкой в когтистых лапах кукловода.

Проигнорировав последние слова нерадивой самоубийцы, Джейкоб задал простой вопрос, который волновал его больше всего:

- Зачем?

- Ты любишь лаконичность, ха-ха. А зачем ты убегал и прятался сегодня ночью? Ты же пошёл со мной, лишь бы не возвращаться домой. Я права?

- Может и так. Ну, удостоишь меня ответа?

Сделав всё, что было в его силах, Джейкоб осмотрелся - его мгновенно пронзила светлая мысль. Парень прильнул ухом к старому амбарному замку на двери чёрного входа и достал из кармана склянку с ядом.

- Что ты собираешься делать?

- Спасать себя от холода и, если захочешь, тебя от смерти, - Стюарт капал на замок синей жидкостью, которая тут же замерзала на лютom морозе, въедаясь в скважину. - Работает, - удовлетворённым шёпотом произнёс он в ожидании реакции жертвы яда.

- Меня уже ничто не спасёт.

- Отогреешься и снова будешь пускать слюни по парню, который тебя бросил, или по новой игровой приставке. Зачем ты умираешь? Родители не понимают? Папа не долюбил дочку? Или «перелюбил»?

Задавая наводящие вопросы, Стюарт надеялся склонить собеседницу к диалогу, но этого не требовалось. Она и сама хотела поболтать:

- У меня вторая стадия, саркома. Рак отобрал всё: надежду поступить в универ, любимые вечера в баре и друзей, которые только и делают, что спрашивают, как у меня дела. Врачи предлагали операцию с шансом в десять процентов, но я хотела хотя бы умереть не тогда, когда продиктует болезнь.

- Как я и сказал, глупо.

СКРИНЬ

Старый замок под напором кристаллов льда выгнулся, и из него выскочил зажим – дверь тихо отворилась, а изнутри цеха повеяло относительно тёплой атмосферой.

- Десять процентов того, что ты выживешь, не есть мало. Хватит прикрывать смелостью свою трусость. Если бы ты хотела снова неумело перевоплощаться в Санта Клауса, то сделала бы всё, что только возможно. В конце концов, бороться, значит не проиграть раку, а сдаться...

- Зачем ты мне всё это говоришь? Какая тебе разница, умру я или выживу?

- Разница есть, - не дожидаясь разрешения, Джейкоб взвалил хладнокровную девушку на плечо и занёс в цех, захлопнув за собой дверь. Он быстро стянул со станка покрывало и постелил его на пол, а затем опустил туда свою ношу. – Не люблю, когда люди сдаются. Трусость мне противна.

- Ха-х.

Возможно, этот мимолётный проблеск эмоций в глазах Стюарта показал Мелл, кто есть кто. Она работала барменом слишком долго, чтобы не заметить – парень до ужаса перепуган. Джейкоб не показывает этого, он борется с собственным страхом, встречаясь с ним лицом к лицу снова и снова. Ей так и хотелось спросить его: «Откуда у тебя берутся силы?», но холодная кровь мешала даже думать, не то что говорить.

Джейкоб собрал ещё несколько тряпичных накидок со станков и укрыл ими Мелл. Он умело продолжал растирать её тело в самых уязвимых местах, не желая признавать поражение. Преследователь, как всегда, сражался!

- Ты никогда не сдаёшься... - почти шёпотом произнесла Мелл и закрыла глаза.

- Никогда, - в ответ парень наклонился к её уху. – Давай заключим сделку. Если я спасу тебя, ты согласишься на операцию. Идёт?

Он ждал хоть какого-то знака, любого символа согласия, который скажет ему, что все старания не напрасны. Смотря на синеющие губы, Джейкоб мог только думать о своём провале.

Но, быть может, не просто так другие считают его гением, может он на самом деле на что-то способен? Если так, то любая, даже самая отчаянная попытка, будет иметь вес. Последний раз он попытается согреть свою игрушку.

Мягкие холодные губы Мелл не поддавались на уговоры, её слабеющее дыхание стало настолько приглушенным, что грудь перестала подниматься. И всё же немного тепла в самый нужный момент действительно может сотворить чудо.

Робкими, нерешительными движениями девушка начала реагировать на поцелуй, приоткрыла глаза, в уголках которых скопились слёзы. Только когда щёки Мелл перестали выглядеть бледными, Джейкоб разорвал связь.

- Ты ужасно целуешься, - съехидничала девчонка.

- Вообще-то мои поцелуи воскрешают. Может мне создать религию? А-ха-ха-ха.

Не настоящий, наигранный, но всё же смех. Мелл могла быть уверена, что не безразлична ещё одному человеку в этом мире, поэтому она не смогла бы причинить ему боль. Девушка осторожно, будто боясь потеряться, взяла спасителя за руку, но почувствовать его тепло ей мешала перчатка.

- Я пойду на операцию, если ты поможешь снять перчатку.

- Чёртова вымогательница.

Освободившись, её рука пальцами сплелась с рукой юноши, странным образом появившемся из ниоткуда в рождественскую ночь, чтобы дать Мелл Филипс ещё один шанс.

6 декабря 2013 года, 19:44, пригород Спрингдейла.

Бар «Фарадей» был рад принять ещё двоих посетителей этим пятничным вечером, собравшихся здесь, чтобы посмотреть на игру «Роялс [6]» и «Метс [6]».

- Джейкоб, ты же не любитель подобных мест, - рассмеялся Грегори, вешая пальто на крючок.

Не удостоенный ответа, парень прильнул к барной стойке и подслушал разговор обывателей:

- Болеть за «Роялс» сплошное разочарование, верно?

- И не говори... Ребята посадят мне печень.

- Скорее этот виски, чем они. А-ха-ха-ха-ха.

«Спорт для них есть только повод выпить», - подумал Грег, но тут же понял свою ошибку, увидев счастливые лица одиноких людей. Здесь они собираются не просто чтобы выпить, а для того, чтобы чувствовать себя в кругу семьи, ведь бейсбол можно и дома посмотреть, а компанию найти – только в этом месте.

Тем временем Джейкоб внимательно рассматривал нечто на доске для надписей, висевшей у окна. Он что-то открепил от неё, а затем черкнул мелом пару букв и подошёл к барной стойке, сделав заказ:

- Два пива мне и моему другу.

В глубине души он надеялся, что его примет такой знакомый и тёплый человек, подаривший Рождеству второй шанс, однако вместо Мелл Филипс пиво принёс старый лысый бармен:

- Вижу, нашёлся владелец перчатки. Я рад, - сказал он, присматривая за «сбегающей» пеной. –

Долго же вы к нам шли.

- И то верно. Знаете, а ведь у этого бара есть секрет?

- Вот как? Я давно работаю управляющим, но ещё никогда не слышал о секретах в моём баре. Поделитесь?

Грегори с любопытством наблюдал за необычным поведением своего друга, который перегнулся через барную стойку и несколько раз постучал по столешнице снизу. Раздался тихий щелчок, пшик – ему в руку скатилась банка Pepsi.

- Надо же. Должно быть моя старая подруга оставила этот секретик здесь, когда работала. Вы знали её?

- Недолго, - Джейкоб улыбнулся и осушил полпинты пива за пару секунд на глазах у всего бара, за что его сочли сверхчеловеком.

- Дружище, а Дженнифер не будет против? Эй, не налегай так на пиво! Кто-нибудь, остановите же его!!! Раз так, мне придётся тебя догонять...

В тот вечер бар «Фарадей» наполнился смехом до самого утра, поскольку «Роялс» выиграли со счётом 5:0, а одинокий вопрос «Чья?» наконец-то получил ответ: «Моя». Так и закончится та удивительная рождественская история о несбывшемся чуде и сбывшейся надежде.

1) Фрэнк Синатра – американский певец (крунер), актёр, кинорежиссёр, продюсер и шоумен. Одиннадцать раз становился лауреатом премии «Грэмми». Славился романтическим стилем исполнения песен и «бархатным» тембром голоса.

2) Springdale General Hospital – больница Спрингдейла, однако при переводе теряется значимость названия. Можно считать это наименованием бренда, как Pepsi, поэтому было решено оставить английское название.

3) «волонтёру» - в русском языке нет такого слова, насколько известно редактору, однако автор любит английский и здесь комментирует данное словечко так: Мелл использует подростковый сленг, так как из-за злобы она перестала чувствовать себя взрослой.

4) Рудольф – один из оленей в упряжке Санта Клауса.

5) Литтл – с английского Little, то есть маленький.

6) Американские бейсбольные команды «Канзас-Сити Роялс» и «Нью-Йорк Метс».